

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. Ольдерогге

Вып. XXV

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

Е. И. Лубо-Лесниченко

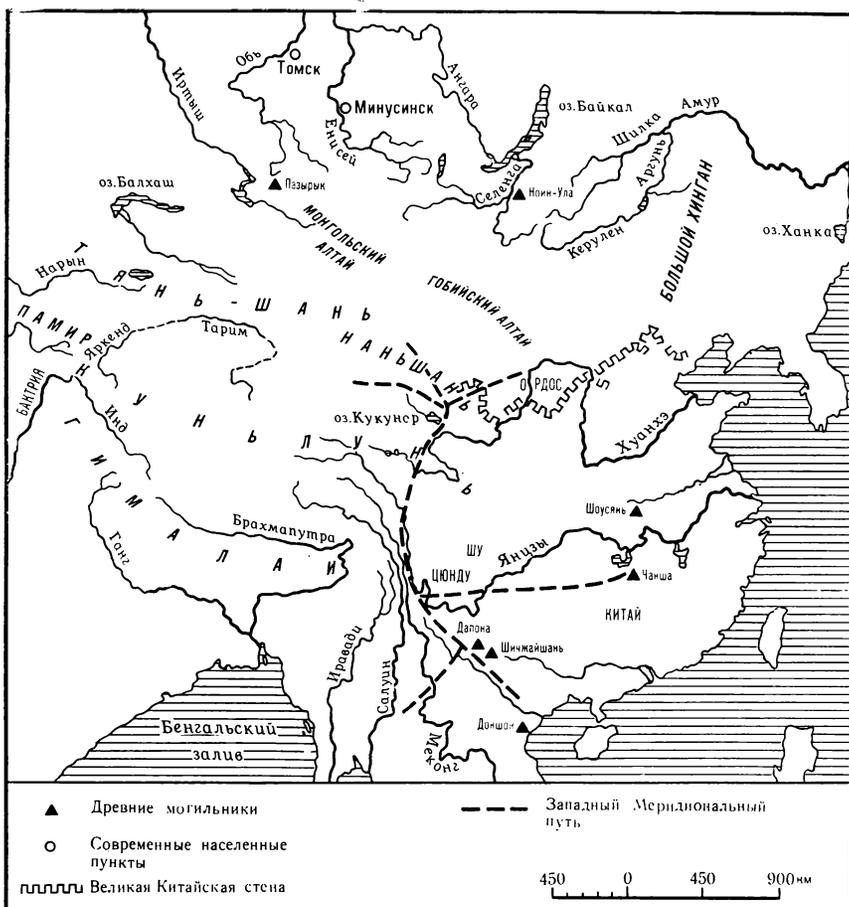
ПАЗЫРЫК И ЗАПАДНЫЙ МЕРИДИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ

В результате новых находок и интенсивной работы многих исследователей в последние годы вырисовываются новые аспекты культурных взаимоотношений, обмена идеями и материальными ценностями между великими культурами Евразии. Так, недавние находки в Астане, Ния и Кара-Булаке позволили выявить роль Шелкового пути в период Шести династий (III—VI вв.) и дать представление о процессах, происходивших в дальневосточном шелкоткачестве в то время [10, с. 15—25; 41, с. 87—131]. Значительным событием явилось открытие и изучение художественных тканей «Занданичи», производимых в Согде в VII—IX вв. [5, с. 5—56; 44, с. 18—33].

Следует также отметить, что наряду с Шелковым и Степными путями, шедшими в широтном направлении, большое значение в культурном обмене между Центральной Азией и Южной Сибирью, с одной стороны, и территориями нынешнего Юго-Западного Китая и Юго-Восточной Азии — с другой, имел так называемый Западный Меридиональный путь¹.

Этот путь шел из Восточного Туркестана, Ордоса и северо-западных плоскогорий Ганьсу и Шэньси через степи Сунфаня до верхнего течения рек Байлунцзян, Миньцзян и Даду. Далее дорога пролегла вдоль течения этих рек до Аньпинхэ и на юг, в Юньнань, через Лусюнь, Чжаотун, Куньмин, Дали и затем шла в Бирму или Бицзе (провинция Гуйчжоу) [17, с. 165—182]. Западный Меридиональный путь протяженностью в несколько тысяч километров проходил главным образом по степному плоскогорью с северными климатическими особенностями, что значительно облегчало движение по нему центральноазиатских кочевников [4, с. 3—8]. Начиная с эпохи бронзы по этому пути шла активная миграция в обоих направлениях, хотя основной поток двигался с севера на юг. По сведениям письменных источников и данным сравнительной лингвистики, начиная со второй половины I тысячелетия до н. э. основным фактором деятельности этого пути была миграция цяньских племен.

¹ Термин «Западный Меридиональный путь», несколько нам известно, впервые предложен Я. В. Чесновым (см. [13, с. 115]).

Западный Меридиональный путь

Как известно, в период конец Инь — Западные Чжоу (XII—VII вв. до н. э.) цянские племена занимали обширный район Ганьсу — Ордоса. Под давлением китайцев с востока и гуннов с севера цянские племена начали передвижение по Западному Меридиональному пути на юг. Самые ранние сведения об этом процессе, сохранившиеся в письменных источниках, относятся ко времени циньского Сянь-гуна (384—362 гг. до н. э.), когда «младший дядя по отцу (правителя цянов) Жэня по имени Ан, устрешенный силой удела Цинь, уклонился со своим родом на юг, за несколько тысяч ли, от Сичжи и Хэшуй на запад и по крайней удаленности от прочих цянов более не имел сообщения с ними» [2, с. 13].

В результате этих переселений по Западному Меридиональ-

ному пути в последние века до нашей эры сложились племенные союзы цянских племен: в районе Кукунора — Байма, в Западной Сычуани — Жань, Ман, Цюнду, Цзоду, Сиань, в Юньнани — Куньмин, Дянь и Суй [6; 17, с. 165—182; 30, с. 13—36]. Яркой иллюстрацией подобных миграций может служить история дансянов-тангутов. В III в. до н. э. их предки начали переселяться из района Ганьсу на плоскогорья Западной Сычуани, где они жили в течение длительного времени. В начале VII в. дансяны вновь переселяются на север и обосновываются в районе Ордоса, который стал ядром образовавшегося в конце X в. могущественного государства Сися [7, с. 148—160].

В результате частых переселений и многочисленных контактов происходил активный процесс обмена духовными и материальными ценностями. В своей работе, посвященной исторической этнографии стран Индокитая и соседних с ними регионов, Я. В. Чеснов приводит многочисленные примеры заимствований. К их числу относятся шерстяная одежда, брюки, ношение кос и рогатого головного убора, характерные для культуры скотоводческих районов Центральной Азии [13, с. 133—160].

Хотя в археологическом отношении Западный Меридиональный путь изучен очень слабо, тем не менее известные в настоящее время находки свидетельствуют о значительном распространении центральноазиатского влияния. Находка в Малакке, около Паханга, бронзового ножа ордосского типа показывает, как далеко это влияние проникало на юг [40, с. 936—937]. Связи с Ганьсу и Ордосом прослеживаются в материалах, происходящих из раскопок в Лифане и Ганьцзы (провинция Сычуань), датированных последними веками до нашей эры [14, с. 62—63; 33, с. 63—80], а также в Дапона (провинция Юньнань), где были обнаружены статуэтки, выполненные в зверином стиле [27, с. 269—270].

Для изучения контактов, существовавших между скифо-сибирским миром и Юго-Западным Китаем, исключительно большое значение имеют знаменитые раскопки в Шицзяйшане (провинция Юньнань) [28, с. 480—485; 29; 31, с. 459—461]. Раскопанные в Шицзяйшане в 1953—1960 гг. могилы (всего было раскопано 50 могил) представляют собой погребения правящей верхушки государства Дянь и в основной массе датируются IV в. до н. э. — I в. н. э. Среди многочисленных находок значительное место занимает объемная бронзовая скульптура со многими признаками, характерными для звериного стиля Евразии. Животные показаны в смертельной схватке, изображены идущими друг за другом, стоящими, с головами, повернутыми назад. Нередко фигуры животных служат в качестве декора на крышках или ручках сосудов. Некоторые типы оружия (II и IV типы клевцов-гэ, по классификации авторов отчета о раскопках) также ведут свое происхождение из Центральной Азии [43, с. 156—283].

Многочисленные аналогии художественным и техническим

Частично сохранившееся зеркало с Т-образным орнаментом
из Шестого пазырыкского кургана

приемам, которые употреблялись мастерами Шицзяйшаня, находятся среди памятников Минусинской котловины, Алтая, Кубани, Дона и других крупных художественных центров скифской эпохи [43, с. 121—124]. По мнению М. Пираццоли, изучавшей эти памятники, при передаче мотивов из Центральной Азии на юг важную роль играли сакские племена района р. Или и Горного Памира [43, с. 126].

Для изучения Западного Меридионального пути важное значение имеют некоторые материалы, обнаруженные в Южной Сибири, особенно в пазырыкских курганах. Среди этих материалов назовем прежде всего частично сохранившееся бронзовое зеркало, найденное в Шестом пазырыкском кургане. У зеркала с диаметром 11 см в центре маленькая шишка-петля, окруженная квадратом с двойным краем. От углов квадрата отходят лепестки со стеблями, заканчивающимися, в свою очередь, лепестками. В главном орнаментальном поле помещены четыре Т-образные фигуры (по реконструкции). Промежутки между ними заполнены узором в виде запятых на зернистом фоне. По краю острый покатый бортик [10а, с. 144, табл. XXIX, 6; 9, с. 37, № 1].

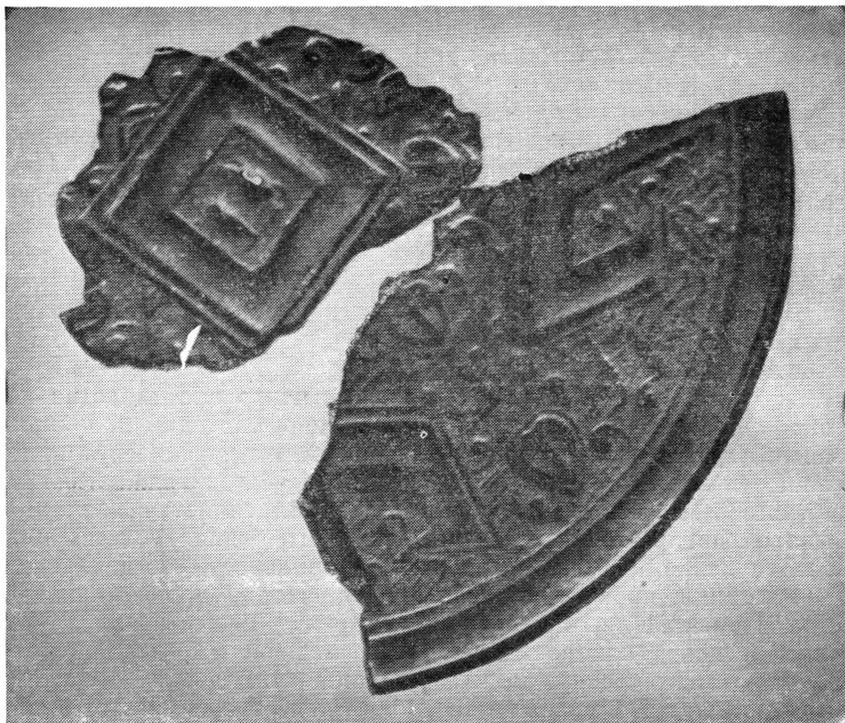
Известны еще два зеркала, найденные в Южной Сибири и аналогичные пазырыкскому. Одно из них, сохранившееся в двух фрагментах и хранящееся в Минусинском музее, происходит из Минусинской котловины [9, с. 37, № 2], и другое, известное нам по фотографии, было найдено в 1891 г. в Западном Алтае [9, с. 37, № 3].

Подобные зеркала с орнаментом из Т-образных фигур и стилизованных лепестков были широко распространены в Китае в период Чжаньгэ (V — III вв. до н. э.). Обычно в орнаменте этих зеркал помещаются четыре Т-образных знака, но встречаются зеркала с тремя, пятью и — реже — с шестью и даже семью знаками [16, с. 99]. Лян Шанчунь, издавший в 1940 г. свою знаменитую коллекцию, посвятил зеркалам этого типа особый раздел. Говоря об их географическом распределении, он указал, что «зеркала этого типа сравнительно часто встречаются в районе р. Хуай и в Шоу[сяне]. Встречаются они также в Шэньси и Хэнани» [19, т. 1, с. 7].

Важным этапом в классификации и датировке древнекитайских зеркал была работа Б. Карлгрена «Хуай и Хань». В его работе зеркала пазырыцкого типа, составляя отдельную группу, входили в обширную категорию С, центр производства которой он помещал в район Шоучжоу (теперь Шоусянь, провинция Аньхой). Б. Карлгрэн считал, что эта категория «представляет собой главным образом произведения искусства княжества Чу» [36, с. 55]. На основании сравнительного и стилистического анализа он датировал зеркала пазырыцкого типа IV в. до н. э. Последующие находки подтвердили правильность его датировки.

Раскопки, производившиеся на территории древнего княжества Чу, показали, что наряду с Шоучжоу существовал другой важный центр находок зеркал этого типа, находившийся в районе Чанша. Теперь можно с полной уверенностью считать, что зеркала с Т-образными знаками и лепестками изготовлялись чускими мастерами, и, как указывают авторы книги, посвященной находкам зеркал в Хэнани, «среди зеркал, обнаруженных в чуских могилах, зеркала этого типа составляют 70—80%» [23, с. 7].

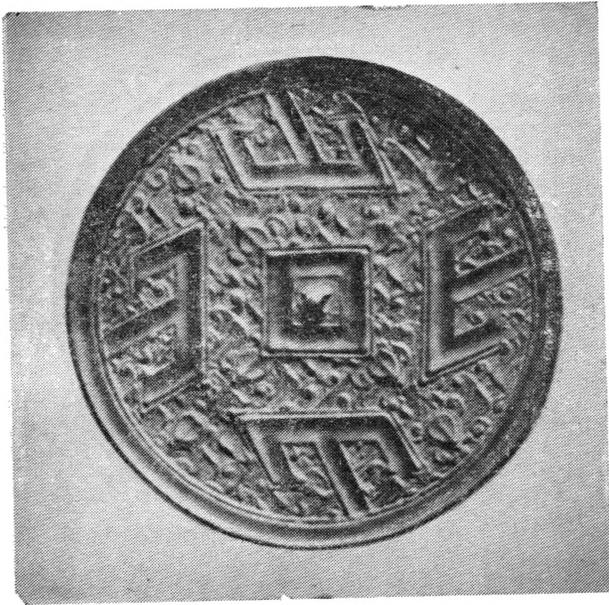
При нанесении на карту находок зеркал с Т-образными орнаментами (группа 2, по Б. Карлгрэну) получается весьма любопытная картина. Из известных нам в настоящее время 59 зеркал большая часть была обнаружена в районе Шоучжоу (27 экз.) и в Чанша (18 экз.). Если мы из этой группы выделим зеркала пазырыцкого типа с четырьмя Т-образными знаками, то из 24 зеркал с установленным происхождением одиннадцать были найдены в районе Чанша (провинция Хунань), семь — в Шоусяне (провинция Аньхой), одно было обнаружено в Чэнду (провинция Сычуань), одно — в Сиане (древняя Чанъань, провинция Шэньси), одно — в провинции Гуанси и три таких зеркала были найдены в Южной Сибири (Шестой пазырыцкий курган, село Восточное, Красноярский край) [22, с. 473, табл. 22; 34, с. 55—61; 37, № 40]. На основании сказанного выше очевидно, что Южная Сибирь является важным центром находок зеркал этого типа, в то время как на территории китайских княжеств (за исключением центров их производства) эти зеркала представлены лишь двумя одиночными экземплярами. Особо следует отметить находку зеркала с Т-образным орна-

Два фрагмента зеркала с Т-образным орнаментом
из Минусинской котловины

ментом в Чэнду, лежавшем на крайнем западе чуского государства и находившемся близ Западного Меридионального пути.

Кроме трех упомянутых выше зеркал в Эрмитаже хранится зеркало с изображением четырехлистника и запятых, найденное в деревне Екатериновка бывшей Томской губернии. У зеркала вокруг центральной шишки-петли — круглое основание с двумя ободками, от которых отходит четырехлистник. Орнаментальное поле заполнено узором в виде запятых на зернистом фоне [9, с. 37—38, № 4]. Зеркала этого типа, как и рассмотренные выше, производились в Китае в период Чжаньго, и, как отмечает Лян Шанчунь, они «чаще всего встречаются на юге, а иногда их находят в Шэньси» [19, т. 1, с. 7а]. Б. Карлгрен поместил их, как и зеркала с Т-образным орнаментом, в категорию С и датировал ее IV в. до н. э. [35, с. 83]. Большинство зеркал этой группы также было обнаружено на территории древнего чуского государства. Так, из 28 известных нам зеркал 19 происходят из района Шоучжоу, 7 — из Чанша, один экземпляр — из Севе-

Зеркало с Т-образным орнаментом
из Южной Сибири

ро-Западного Китая (провинция Шэньси, без точного указания места находки) и один — из Южной Сибири [37, с. 164—165].

Среди привозных вещей, обнаруженных в пазырыкских курганах, видное место занимают шелковые ткани. Так, в погребальной камере Третьего кургана был обнаружен мешочек, по форме напоминающий кисет, сшитый из гладкой шелковой ткани песочного цвета. Ткань типа тафты выполнена полотняным переплетением с плотностью нитей основы 54—56 и утка 48—50 на 1 см [10а, с. 248, табл. XVI, 2]. Фрагменты гладкой шелковой ткани, вырезанные в форме крестиков, украшают покрывку седла, обнаруженную в конском захоронении Пятого кургана [10а, с. 213, рис. 128, табл. CVII, 1]. Эти крестики, общее число которых составляет 13, чередуются в шахматном порядке с золотыми рельефными изображениями лосиных голов. Они вырезаны из одного куска шелковой ткани типа репса, изготовленного полотняным переплетением плотностью нитей основы 88—90 и утка 46—50 на 1 см.

Фрагмент шелковой полихромной ткани происходит из Третьего кургана. Ткань размерами 13,8×8 см выполнена основами темно-коричневого и зеленоватого цветов и одним утком зеленоватого цвета в технике, производной от полотняного плетения [10а, с. 248, табл. CVI, 1; 11, с. 80, 84, рис. 75]². Раппорт орна-

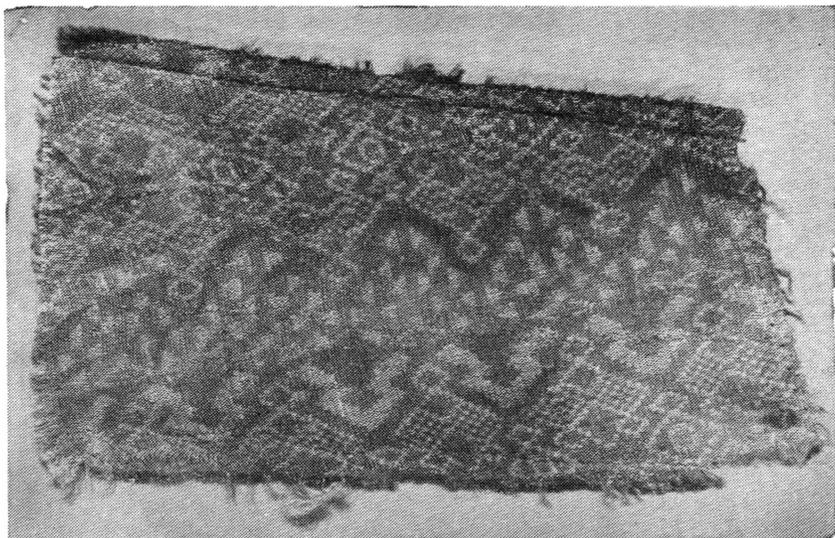
² Описание техники изготовления ткани, приведенное С. И. Руденко, ошибочное [8, с. 28, 29].

Зеркало с изображением четырехлистника
и запятых из Южной Сибири

мента ткани равен 2,7 см по основе, 11 см (по реконструкции) по утку. Узор состоит из повторяющихся четырех рядов различных ромбовидных фигур. Подобные ромбические элементы встречаются в узоре ткани из Балладовского кургана Ноин-улы [12] и в тканях периода Чжаньго из Чанша [26, табл. XXXI, 3; 21, с. 56, табл. 18].

Уникальным памятником чуского искусства является шелковая вышивка, служившая покрытием седельного чепрака из конского погребения Третьего кургана [8, с. 50, табл. XLIX—L; 10, с. 83; 11, табл. CXVIII]. Ткань представляет собой тафту песочного цвета, выполненную полотняным переплетением с плотностью нитей 50—54 по основе и 40—42 по утку на 1 см. Ширина ее составляет 44 см. Вышивка выполнена тамбурным швом нитями четырех цветов: песочного, коричневого, выцветшего синего и красного. Узор вышивки состоит из вьющихся

Фрагмент шелковой полихромной ткани
из Третьего пазырыкского кургана

побегов со стилизованными цветами и листьями и сидящих на ветвях фениксов (самцов-фын и самок-хуан).

Ближайшая аналогия к пазырыкской вышивке имеется среди находок из так называемой могилы с деревянным гробом из Парка героев в Чанша, датированной периодом Чжаньго. При раскопках этой могилы, произведенных в 1958 г., на внутренних стенках наружного гроба (гуань) были обнаружены остатки вышивки, выполненной стебельчатым швом. На внутренней стороне поперечной стенки гроба сохранилась вышивка длиной 54 см и шириной 39 см с изображением частично сохранившихся дракона и феникса на фоне орнамента в виде завитков. Вышивка на боковой стенке гроба имеет длину 120 см и ширину 34 см. Декор ее состоит из завитков, оканчивающихся стилизованными листьями и цветами, и фениксов. По композиции и характеру передачи орнаментальных элементов она тождественна пазырыкской [15, с. 70, табл. 14—17].

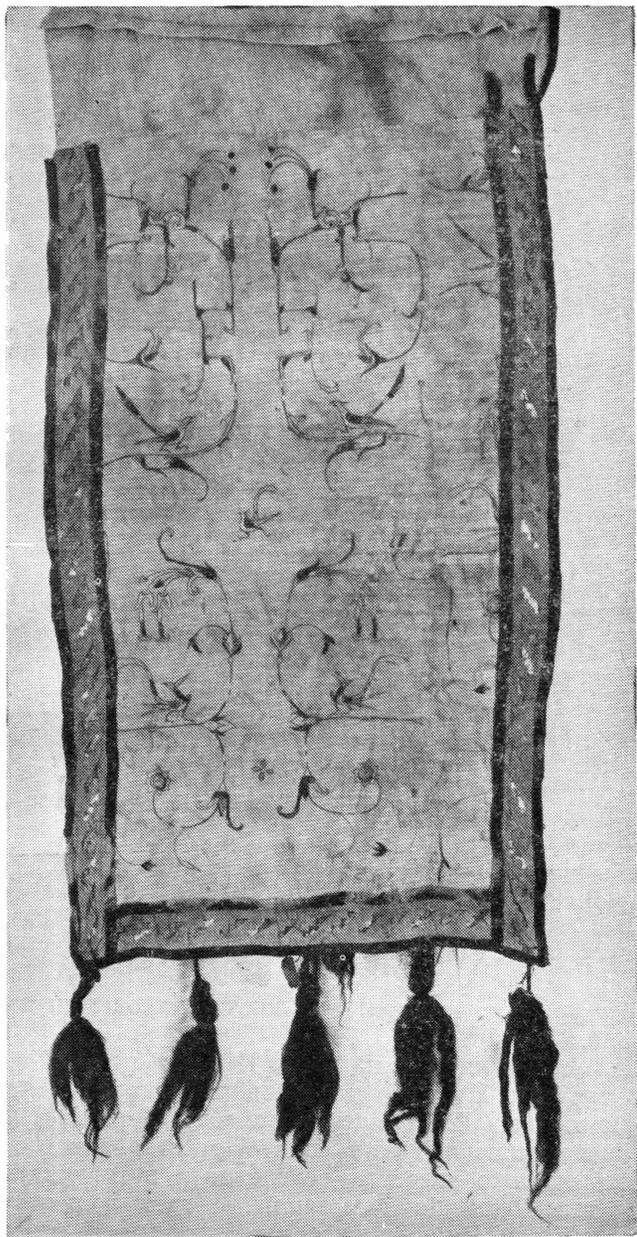
Следует также подчеркнуть, что характерные черты стиля пазырыкской вышивки: удачное сочетание строгого ритма и свободы выражения при передаче изгибов завитков, а в изображении птиц — элементы стилизации и реальности образа — в искусстве того времени встречаются лишь в изделиях чуских мастеров. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные раскопки росписи на чуских лаковых изделиях из Чанша [24, табл. XXII, 2; 25, табл. XV, 9].

Таким образом, на основании изложенного выше мы можем

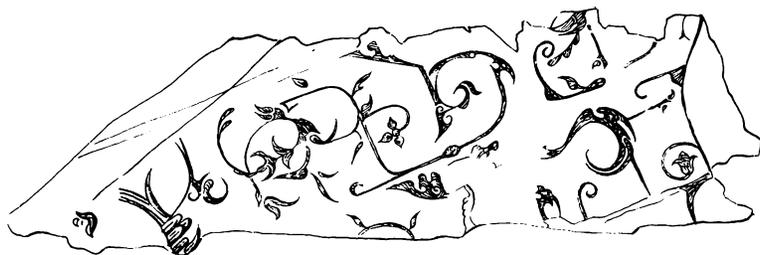
утверждать, что в последние века до нашей эры, и прежде всего в IV—III вв. до н. э., четко прослеживаются связи, существовавшие между древнекитайским княжеством Чу (600—250 гг. до н. э.) и Южной Сибирью. Пазырыкские находки свидетельствуют о том, что чуское государство было основным поставщиком таких предметов роскоши, как шелковые ткани, вышивки и бронзовые зеркала, которые по Западному Меридиональному пути проникали далеко на север, в Минусинскую котловину и Алтай. С севера в княжество Чу привозили изделия, выполненные в традиционном скифо-сибирском зверином стиле. Значительное число подобных изделий было обнаружено в районе Шоучжоу — главном центре производства чуских зеркал. Находки, как отмечал Б. Карлгрен еще в 1937 г., «свидетельствуют о ранних торговых отношениях между северной границей и Восточным Китаем» [35, с. 103]. В результате активных контактов чуское искусство впитывало в себя художественные приемы и орнаментальные мотивы, идущие из Центральной Азии. Это влияние четко прослеживается в декоре ритуальных сосудов, зеркал и других бронзовых изделий второй половины I тысячелетия до н. э. [35, с. 97—112].

Такой оживленный обмен изделиями и художественными ценностями мог происходить благодаря географическому положению Чу. В период Чжаньго Чу было крупнейшим по территории княжеством. На западе в его состав до начала III в. до н. э. входили область Ханьчжун, лежавшая в бассейне р. Хань, и районы Восточной Сычуани, связанные с Западным Меридиональным путем. Правители Чу в IV в. до н. э. проводили на западе и юго-западе экспансионистскую политику. Ярким примером экспансии чуского княжества на юго-запад может служить поход полководца Чжуан Цзяо. Сведения об этом походе сохранились у Сыма Цяня, где сказано: «Некогда, во времена чуского Вэй-вана³, [этот правитель] послал полководца Чжуан Цзяо во главе войск, чтобы подняться вверх по течению [Янцзы]-цзян и овладеть на западе Ба, Шу и Цяньчжун... Цзяо достиг озера Дянь, поверхность которого составляла 300 квадратных ли. Земля вокруг на несколько тысяч ли была изобильной и плодородной. С помощью военной силы Чжуан Цзяо сделал эти страны данниками Чу. Когда он решил возвратиться, чтобы доставить донесение, [государство] Цинь совершило нападение и овладело Чу, Ба и Цяньчжун. Дороги были блокированы, и пройти было невозможно. Поэтому [Чжуан Цзяо] вернулся назад и, опираясь на свои войска, объявил себя правителем Дянь. Для того чтобы управлять страной, он сменил одежду и воспринял местные обычаи» [20, гл. 116, с. 1076]. Данные исторических источников о существовании связей между культурами

³ Даты правления Вэй-вана — 339—322 гг. до н. э. «Хоу Хань шу» относит поход Чжуан Цзяо ко времени Цинсян-вана (298—262 гг. до н. э.). Последнюю дату принимают большинство исследователей (см. [43, с. 79—80]).

Шелковая вышивка из Третьего
пазырыкского кургана

Шелковая вышивка из погребения в Чанша
(прорисовка)

Дянь и Чу убедительно подтверждаются находками из Шицзяй-шаня [43, с. 106—108].

Важные сведения о наличии во II в. до н. э. в Центральной Азии товаров из Шу и Цюнду (современная провинция Сычуань) содержатся в 123-й главе «Записок историка» Сыма Цяня. В этой главе, включающей в себя «Повествование о Давани», приводятся широко известные сведения о путешествии в 140—130 гг. до н. э. Чжан Цяня на запад. В отчете императору о своей поездке Чжан Цянь, в частности, писал: «В бытность мою в Дася (Бактрия) я видел там бамбуковые посохи из Цюн и холсты из Шу» [3, с. 153]. Местные жители сообщили Чжан Цяню, что эти товары привезли в Дася купцы из Шэньду. (В представлении китайцев того времени, Шэньду включала в себя Северо-Восточную Индию, Бирму и часть Юньнани.)

В статье «Археологическое свидетельство о контактах Китая с Индией во времена династии Хань» С. Камманн подверг сомнению сведения Чжан Цяня. По мнению С. Камманна, Чжан Цянь скорее всего не имел представления, что в Индии, и в частности в предгорьях Гималаев, растет множество различных видов бамбука. Поэтому и посохи, которые Чжан Цянь видел в Бактрии, могли быть привезены из Индии, а не из Юго-Западного Китая. Далее С. Камманн замечает, что в древности в торговле по сухопутным путям на далекие расстояния товарами служили лишь легкие и дорогостоящие предметы, чтобы получать максимальный доход с минимальными дорожными издержками. По мнению С. Камманна, трудно себе представить, чтобы такие малоценные предметы, как холсты и бамбуковые посохи, перевозили через Юньнань, Бирму, Ассам и всю Индию. Кроме того, когда императорские посланцы по совету Чжан Цяня пытались обнаружить этот путь, они потерпели полную неудачу [32].

Точка зрения, высказанная С. Камманном, выглядит вполне убедительно, однако для дальнейшей дискуссии необходимо привлечь новые материалы. В связи с этим мы обратили внимание на находки из Второго пазырыкского кургана, в погребальной камере которого были обнаружены две мужские рубахи: одна — сохранившаяся целиком и другая — во фрагментах. Технологическое изучение найденных фрагментов было произведено В. Н. Кононовым. Им было установлено, что «у исследуемых волокон не удалось обнаружить анатомических особенностей, характерных для волокон льна, конопля и рами (узлообразные вздутия, утолщения, поперечные сдвиги). По толщине волокна они ближе всего сходны с волокнами кендыря, у которых толщина волокон в среднем равняется 20—25» (цит. по [11, с. 241]). Среди пазырыкских материалов в Эрмитаже хранится рукав второй рубахи, сшитой из кендырной ткани полотняного переплетения с сохранившейся кромкой. Нити ткани ровные, со сравнительно слабой круткой. Плотность нитей основы составляет 38—40, утка 22—24 на 1 см, т. е. отношения плотности нитей основы и нитей утка составляет 1,8:1⁴.

Как известно, кендырь — это растение из родов *Trachomitum* и *Arosupum* семейства кутровых, произрастающее в пой-

⁴ Рубаха, сохранившаяся целиком, сшита из трех отличных между собой кусков ткани. Одна половина рубахи изготовлена из грубой полотняной ткани с плотной неровной круткой нитей. Плотность основы 15—17 и утка 16—17 нитей на 1 см. Вторая половина изготовлена из полотняных тканей двух типов, одна из которых находится на лицевой стороне и вторая — подкладочная. Плотность нитей наружной ткани составляет 22—24 нитей основы и 24—28 нитей утка на 1 см. Нити неровные, с сильной круткой. Подкладка представляет собой ткань из очень тонких нитей слабой скруткой, напоминающую по внешнему виду газовую, с плотностью основы 56—58 и утка 62—64 на 1 см. По характеру тканей рубахи значительно отличаются одна от другой. С. И. Руденко пишет, не определяя более точно, что первая рубаха сшита из конопляной или кендырной ткани [11, с. 104].

мах рек Средней Азии, Волги, Урала, а также в Юго-Западном Китае и Юго-Восточной Азии [1]. В настоящее время у нас не существует каких-либо данных об употреблении в Средней Азии в древности кендыря для изготовления тканей. Что же касается Юго-Западного Китая, то некоторые сведения по этому вопросу содержатся в ставшем классическим комментарии Чжан Шоуцзе «Истинный смысл „Записок историка“», написанном в 737 г. Чжан Шоуцзе объяснил выражение «шубу» — «шуские холсты» как «холст, изготовленный из растений типа тростника» («лу бу») [18, с. 129]. Следует также отметить, что ткань, из которой изготовлена вторая рубаха, имеет высокие технологические качества, большую плотность нитей и характерное для древних дальневосточных тканей значительное преобладание основы над утком. В связи с этим со значительной долей уверенности мы можем считать изученные нами фрагменты рубахи из Второго пазырыкского кургана изготовленными из шуского холста, о котором упоминал Чжан Цянь.

Что же касается цюньских бамбуковых посохов, то Чжан Шоуцзе дает по их поводу следующее объяснение: «Этот бамбук происходит с гор Цюньшань в Цюнду и посему называется цюньским бамбуком. У него длинные колена с заполнениями внутри. Вероятно, это растение цзишэнь. Он пригоден для посохов» [18, с. 129]. Эта разновидность бамбука отождествляется с так называемым «квадратным бамбуком», т. е. бамбуком, квадратным в сечении (*Bambusa*, или *Phyllostachus quadrangularis*), произрастающим на северо-востоке современной провинции Юньнань и в Западной Сычуани [39, с. 535—537].

Учитывая изложенные выше факты, нам кажется, что Чжан Цянь при посещении бактрийских базаров мог отличить квадратные в сечении цюньские посохи от других бамбуковых изделий. Нет необходимости сомневаться и в том, что он был в состоянии отличить кендырные шуские холсты от шерстяных или льняных ближневосточных тканей. К этому следует еще добавить, что Чжан Цянь был уроженцем Ханьчжун, области, лежащей неподалеку от районов Шу и Цюнду, и, естественно, что шуские и цюньские изделия были ему хорошо знакомы.

Вместе с тем мнение С. Камманна о том, что не было смысла везти такие сравнительно дешевые и простые изделия через страну с высокой культурой, нам представляется достаточно весомым. Более вероятно, что шуские холсты и цюньские посохи попали в Бактрию Западным Меридиональным путем, «дорогой цянов» [34а, с. 209]. Кочевники, изготавливавшие лишь сравнительно грубые шерстяные ткани, высоко ценили необычные для них изделия из растительных волокон и, естественно, поэтому могли перевозить их на далекие расстояния. Логичнее объяснить таким же образом и бытование в Дася цюньских изделий из бамбука, так как к северу от Сычуани на всем протяжении Западного Меридионального пути и в Восточном Туркестане бамбук не произрастает и представляет собой редкость. Косвенное

подтверждение нашей точки зрения даёт политическая ситуация, сложившаяся в Центральной Азии в IV—II вв. до н. э.

Как свидетельствуют письменные источники, одним из главных последствий усиления гуннов была миграция юэчжей, занимавших первоначально обширные районы Ганьсу и Восточного Туркестана. В результате вынужденного переселения юэчжи разделились на две ветви, бóльшая переселилась на запад, в Бактрию, и меньшая — на юг. В «Записках историка» по этому поводу сказано следующее: «Первоначально дом юэчжи занимал страну между Дуньхуан и хребтом Цинляньшань. Когда же гунны поразили его, то удалился оттуда, перешел от Давани на запад, ударил на Дася и покорил сие владение, вследствие чего и утвердил свое местопребывание на северной стороне реки Гуйшуй. Небольшая часть юэчжийского народа не могла следовать за прочими и осталась в Южных горах. Цяны назвали ее Малым Юэчжи (сяо юэчжи)» [3, с. 151]. Как установил П. Пельо, малые юэчжи при своем движении на юг дошли до Наньшаня. Главным центром их местопребывания стал район Хуанчжуна, к востоку от оз. Кукунор и к югу от р. Синин (современная провинция Цинхай) [42, с. 37]. Что же касается территорий Шу и Цюнду, то они лежали сравнительно близко от Малых юэчжей, откуда местные изделия могли доставляться как на север, в Южную Сибирь, так и к родственным им Большим Юэчжи, на северо-запад.

Литература

1. Берлянд С. С. Кендырь. М.—Л., 1931.
2. Бичурин Н. Я. (Иакинф). История Тибета и Хухунора. Ч. 1. СПб., 1833.
3. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.—Л., 1950.
4. Деопик Д. В., Постников А. В. Из опыта составления карт по древней и средневековой истории стран Юго-Восточной Азии.— Вестник МГУ. Востоковедение. 1973, № 2.
5. Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде.— Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
6. Итс Р. Ф. Этническая история стран юга Восточной Азии. Л., 1972.
7. Кычанов Е. И. К вопросу о происхождении тангутов.— Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961.
8. Лубо-Лесниченко Е. И. Древние китайские ткани и вышивки V в. до н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1961.
9. Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.
10. Лубо-Лесниченко Е. И. Шелковый путь в период Шести династий (III—VI вв.).— Труды Государственного Эрмитажа. XIX. Л., 1978.
- 10а. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.
11. Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968.
12. Ходукин Я. Н. Первые раскопки в горах Ноин-улы. Иркутск, 1926.
13. Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
14. Гао Чжимин. Сычуань Ганьцзы фу цзинь чутуды и пи тунци (Группа бронзовых изделий, обнаруженных в окрестностях Ганьцзы, провинция Сычуань).— Каогу Тунсюнь. 1958, № 1.
15. Гао Чжиси. Чанша леши гуньюань саньхао мугому цинли цзяньбао (Крат-

- кий отчет об обследовании могилы № 3 с деревянным гробом в Парке героев в Чанша).— Вэньу. 1959, № 10.
16. *Ли Чжэнгуан*. Лютань Чанша чутуды Чжаньго шидай тунцзинь (Относительно бронзовых зеркал периода Чжаньго, обнаруженных в Чанша).— Каогу Тунсюнь. 1957, № 1.
 17. *Ли Шаомин*. Гуаньхой цянцзи гудай лишиды цзиго вэньти (Некоторые вопросы по древней истории цянов).— Лиши Яньцзю. 1963, № 5.
 18. Лидай гэцзу чжуань цзя хуйпянь (Собрание исторических сведений о различных народах). Т. 1. Шанхай, 1958.
 19. *Лян Шанчунь*. Яньку цзан цзин (Зеркала, хранящиеся в Яньку). Т. 1—4. Бэйпин, 1940.
 20. *Сыма Цянь*. Ши цзи (Записи историка). Шанхай, 1958.
 21. *Сюн Чжуаньсинь*. Чанша синьфасяньды Чжаньго сьчжиу (Вновь обнаруженные ткани периода Чжаньго в Чанша).— Вэньу. 1975, № 2.
 22. Хунань Чандэ Дэшань Чуму фацзюэ баогао (Отчет о раскопках чуской могилы в Дэшань, Чандэ, провинция Хунань).— Каогу. 1963, № 9.
 23. Хунань чуту тунцзин тулу (Альбом бронзовых зеркал, обнаруженных в провинции Хунань). Пекин, 1960.
 24. Чанша Мавандуй ихао Ханьму фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могилы № 1 периода Хань в Мавандуй, Чанша). Пекин, 1972.
 25. Чанша Мавандуй зрсань хао, Ханьму фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках могил № 2—3 периода Хань в Мавандуй, Чанша).— Вэньу. 1974, № 7.
 26. Чанша фацзюэ баогао (Сообщение о раскопках в Чанша). Пекин, 1957.
 27. *Чжан Цзюэци*. Юньнань Сяньюнь Дапона фасянь муго тун гуаньму (Могилы с бронзовым наружным и деревянным внутренним гробами, обнаруженная в Дапоне, Сяньюнь, провинция Юньнань).— Каогу. 1984, № 7.
 28. Юньнань Цзиньнин Шичжайшань гуму дисыцы фьцзюэ цзяньбао (Краткий отчет о четвертом сезоне раскопок могильника Шичжайшань уезда Цзиньнин провинции Юньнань).— Каогу. 1963, № 9.
 29. Юньнань Цзиньнин Шичжайшань гуму цюнь фацзюэ баогао (Отчет о раскопках могильника Шичжайшань уезда Цзиньнин). Пекин, 1959.
 30. *Ю Чжун*. Хань Цзинь шициды синань и («Юго-западные варвары» в периоды Хань — Цзинь).— Лиши Яньцзю. 1957, № 12.
 31. Юньнань Цзиньнин Шичжайшань дасаньцы фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о третьем сезоне раскопок в Шичжайшань уезда Цзиньнин провинции Юньнань).— Каогу. 1959, № 9.
 32. *Cattmann S.* Archeological Evidence for Chinese Contacts with India during the Han Dynasty.— *Sinologica*. 1956, vol. 5, № 1.
 33. *Cheng Te-k'un.* The State Tomb Culture of Lifan.— *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1945, vol. 9, № 2.
 34. *Haskins J.* The Chinese Mirror from Pazyryk.— *Archives of the Chinese Art Society of America*. Vol. 18, 1964.
 - 34a. *Hulsewé A., Loewe M.* China in Central Asia. Leiden, 1979.
 35. *Karlgren B.* A New Studies on Chinese Bronzes.— *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* (далее — *BMFA*). Stockholm, 1937, № 9.
 36. *Karlgren B.* Huai and Han.— *BMFA*. 1941, № 13.
 37. *Karlgren B.* Some Pre-Han Mirrors.— *BMFA*. 1968, № 40.
 38. *Karlgren B.* Early Chinese Mirrors.— *BMFA*. 1968, № 40.
 39. *Laufer B.* Sino-Iranica, Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran with Special Reference to the History of Cultivated Plants and Products. Chicago, 1919.
 40. *Loewenstein J.* The «Ordos» Bronze Knife from Prehistoric Malaya.— *Anthropos*. Leiden, 1961, Bd. 56, № 5—6.
 41. *Okazaki T.* Archeology of the Cultural Intercourse between East and West. Tokyo, 1973.
 42. *Pelliot P.* Tokharien et Koutcheen.— *Journal Asiatique*. P., 1934, t. 224, № 1.
 43. *Pirazzoli, t'Serstevens M.* La civilisation du Royaume de Dian à l'époque Han. P., 1974.
 44. *Shepherd D. G., Henning W.B.* Zandaniji Identified.— *Aus der Welt der Islamischen Kunst: Festschrift für E. Kühnel*. B., 1959.